

Мы продолжаем знакомить читателей журнала с материалами состоявшегося в апреле 2006 г. в Государственном университете — Высшей школе экономики симпозиума, посвященного концепциям и практике социального рыночного хозяйства. Публикуемые в данном разделе статьи вскрывают предпосылки, выявляют преимущества и недостатки германской модели социальной политики.

Л.А. Исаков

ПРУССКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНО-РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА ФРГ

Как исторически состоявшийся феномен, социально-рыночная модель Л. Эрхарда 1950–60-х гг. возникла не на пустом месте, а в исторически наполненном пространстве. Именно оно определило как успех, так и исторически ограниченную временность, уложившуюся в «эру Аденауэра» и закрытую финальным кризисом 1966–67 гг., породившим уже иные социально-исторические реалии «полу-социалистических» и «социалистических» мистерий 1970-х гг.

Германское послевоенное возрождение, как на Востоке, так и на Западе, происходило под влиянием трех факторов:

- факта военного поражения;
- биполярного противостояния сверхдержав, невралгический пункт которого лег на Германию;
- исторической традиции и менталитета.

Два первых фактора коррелировались особым образом с третьим. Невероятная сила, проявленная немцами в двух Мировых войнах, заставляла учитывать их в глобальном противостоянии как серьезнейший фактор предполагаемой Третьей, искать и возвращать в самом германском обществе те институты, которые обеспечивали постоянную боеготовность самой воинственной нации XX в. Шел целенаправленный поиск форм, через которые «осси»

и «весси» обращались в соучастников новых битв. Для этого надо было обращаться к внутренней, не к привнесённой данности.

Что касается Восточной Германии, то вспомним хотя бы то же сохранение ландшафтурмовской формы 1813 г. в ННА ГДР; возрождение традиций Шарнгорста–Гнейзенау; официальный культ Гете; обращение идеологов КПП к традициям германского рабочего класса, как революционным, так и этнически-историческим (исполнительность, ответственность, трудолюбие). Это все при том, что 3 «де-» на Востоке были выполнены в своей антифашистской и антимилитаристской части неизмеримо последовательней, чем в западных зонах оккупации.

В этом отношении Западная Германия выступала более анти-традиционно, обращаясь и против исторической и имперской атрибутики в форме, этикете, поведении; и даже ригористично — чего стоит почти ритуальное избегание коричневого цвета в одежде, рекламе, изображениях; замена традиционных пилоток беретами в бундесвере — при самом возмутительном попустительстве «старо-коричневым» в администрации, экономике, политике.

Не стоит низводить эти красноречивые детали до временной конъюнктурной мимикрии. Запад тоже помнил германский сапог на улицах Парижа, Брюсселя, Рима; помнил и бегство англо-американских армий под Дюнкерком и в Арденнах. В действиях западных администраций прослеживается умысел — переделать немца в англо-американскую разновидность «европейца», растворив немецкую сверхорганизованность, надличность, мистичность в похлебке всеобщей банальности; т.е. изменить национальные стереотипы и менталитет; снять историческую непредсказуемость великой нации.

Как развитие этого контекста, реформы Л. Эрхардта — не национальны, а анти-традиционны, поскольку они осуществлялись в стране Ф. Листа и железного государственного протекционизма и регламентации от Штейна до Шпеера.

Рассматривая «немецкое чудо» через историческую призму, можно утверждать, что реформы Л. Эрхардта должны были произвести действие, обратное политике Ф. Листа. Подобно тому, как листовский протекционизм заковал в единое целое «страну диалектов», эрхардовская экономика должна была вернуть его в состояние «сборища индивидуализированных атомов» (если уподо-

бить свободную игру рыночных сил всеобщему избирательному праву в афоризме Г.В. Гегеля). Эрхардовские реформы выглядят эпатирующие противогосударственными, хотя и идут в рамках академических мечтаний, столь необычных в Германии, но расхожих в англосаксонском мире, к которому традиционно льнут душой и телом кафедры экономики и права рейнских университетов. Подобно тому, как аденауэровская «Германия земля» должна была отчасти претворить черчиллевские мечты о возврате средневропейского пространства в состояние политического конгломерата, порождающего сильных солдат и бессильную политику — эрхардовский «освобожденный труд» должен был генерировать преуспевающего, но никому не опасного кустаря.

Естественно взглянуть на ту среду, которая подхватила эти фантомы академических изысков и наполнила их реальным содержанием, несхожим с теорией.

Следует отметить, германское общество 1945–50 гг. — это общество особого типа. Все дееспособное население Западной Германии, свыше 13,5 млн человек, — а с учетом полной милитаризации всех сторон жизни страны с 1933 по 1945 год и без исключения, — это общество вчерашних солдат, унтер-офицеров, офицеров. Это люди, пропущенные через гигантскую машину, называемую германо-прусской армией, и вне воли, желаний, страстей исполнившиеся ее стереотипами; — той машины, которая, по словам наблюдателей, обратила Германию в страну, завоеванную собственной армией — основу пруссачества в самом широком смысле, сильнейшим образом деформиовавшего все институты страны, обратившего немца в расхожий материал карикатур. Ведущей фигурой, тем приводным ремнем, через который и опосредованно им правительственная политика обращалась в общественную практику, стал вчерашний «герр обер-лейтенант». Он сменил мундир на гражданский костюм, но остался в рамках традиций и социальных ролей этой специфической среды:

- вождь рядовых;
- товарищ равных;
- субординированный исполнитель вышестоящих;
- носитель той ограниченной демократии, в которой «обер-лейтенант» и «капитан» ближе к солдату и полю боя, чем «герр-оберст».

Вчерашний ротный командир просто не мог не входить в отношения социального бытия нисходящего мирка, т.е. не быть социально ориентированным. Ведь устав безусловно требует от офицера личного участия в обучении и воспитании подчиненных; создания мажорно-самоуверенной обстановки в подразделениях; учета и использования как материальной так и психологической стороны самой острой формы политики и конкуренции — боя.

Эрхардовские реформы, в объявленной части адресованные к частному интересу, в социальном плане востребовали волевые организаторские начала, носителем которых был перенесенный в гражданское общество офицерский корпус, вошедший во все коридоры социального организма, необходимо трансформирующегося под напором этого нового слоя. Германию поднимали и поддерживали ради проявленных ей бойцовских качеств — их носителем был выученик «Старого Фрица», прусский офицер, перелицованный в германского, что поднимало и уравнивало его с элитами в цитадели германского либерализма и партикуляризма Рейнско-Вестфальского и Баварско-Швабского регионов, куда он явился беглецом разбитой армий... Но и с собственными ориентациями экономической деятельности!

Известная классификация агрокапитализма на прусско-юнкерскую и американско-фермерскую разновидности заставляет обратить внимание к прусской практике как специфическому феномену хозяйственной ориентации и традиции.

Очень интересны, с этой точки зрения, приводимые в мемуарах В. фон Путлиц-унд-Пильхау материалы о хозяйственной практике его отца в трех принадлежащих ему на основе «имперского ленного держания» рыцарских поместьях¹.

Сам по себе автор этих мемуаров очень примечательная фигура. Аристократ и вполне благонадежный монархист, смело воевавший в 1-й мировой войне и без колебаний усмирявший берлинское восстание 1918 г.; член «Клуба господ», самого привилегированного и малодоступного в Германии, бурно сочувствовавший путчу Каппа-Людендорфа; крупный администратор в концернах В. Ратенау и Г. Симменса в «эпоху просперити»; дипломат на службе Веймарской, а потом фашистской Германии до 1939 г.; перебежчик в Англию и сотрудник Би-би-си в

1939–45 гг.; остро конфликтовавший против политики «рейнских рептилий» националист в 1946–50 гг., перешедший в ГДР в 1951 г. — он имел перед глазами огромное поле наблюдений социально-исторических явлений и катаклизмов, пережив метаморфозы «черного», «белого» и «красного» баронов.

В главах, посвященных детству, и особенно попыткам вхождения в мирную жизнь после 1918 г. традиционным для прусского аристократа образом, помещиком и домохозяином, он многократно рисует фигуру отца, создавая вне своих устремлений и устоявшихся оценок прожитой долгой жизни крайне любопытный, типический, неоднозначный и очень живой образ коренного прусского юнкера: милитариста, националиста, отчасти самодура, но всегда «отца-командира» в семье, округе, для детей, батраков, ближайших селений. Фон-Пильхау-старший в какой-то мере не вполне хозяин. Сохраняя черты неискоренимого «боевого коня», он в то же время вполне и естественно врос в окружающую среду, команду сельхозработами как маневрами, распределяя батраков, как развертывают эскадрон. Он знает из рода в род всю окружающую мелкоту, и не только деревенскую, но и в ближайшем городке; кумится и тиранствует над ней; но зорко, очень зорко присматривается и печется о своем стаде, как истовый гран-сеньор о своих сервах.

То, что кажется нестерпимой фальшью на картине А. Метцеля «Господин Аугуст Борзиг [«паровозный король Германии»] на празднике урожая в своем имении Грос-Бениц»², вполне естественно для фон Путлица-унд-Пильхау. К нему без зазрения обращается вся округа: как само собой разумеющееся, его извещает о своем решении жениться батрак; в коричневую вьюгу 1934 г. умоляет о спасении еврей-сапожник — знаменательно, и для Путлица-старшего и для его просителей.

Эпизод с женихом-батраком особенно колоритен.

Узнав имя избранницы, старик решительно воспротивился.

— Это же кривляка и лентяйка! Нет, нет! Женись на Марте, она работящая и хозяйственная — тебе будет хорошо. Жить станете в доме покойного Симона — я велю отремонтировать. Мебель на первое время выдаст Курт

Заявитель, по мемуарам В. Путлица, — молчаливый, сильный батрак, прошедший фронт, так и поступил. . . И для него,

опаленного Соммой и Верденом, слово барона имело большой вес, отнюдь не сводимый только к хлебу и крову — в крайности можно было податься в город...

Интересно, что когда Путлиц-младший, посетив образцовые агропроизводства Вестфалии, рассказал отцу о методах американской интенсификации производства, низводящих работника до уровня бездушной и безгласной машины, то старый барон был вполне солидарен с возмущением «голубеющего» сына и решительно отмел доводы о тройном приросте рентабельности:

— Нет, нет! Это нам не подходит — я не хочу ходить по деревне с пистолетом.

Важно и существенно, что для сына Путлиц-старший — не белая ворона, а типический ост-эльбский юнкер, вполне свой в среде собратий. Изображая и критикуя отца, В. Путлиц нападает на него, как на типическое явление, — но сам признается в невольном уважении к старому служаке, демонстративно останавливающемуся и беседующим с евреем-сапожником в разгар «Хрустальных Ночей». После разгрома лавчонки местный фюрер отослал барону банкноту в 100 марок, как его собственность, «...так как кроме г-на барона никто не расплачивается такими купюрами; впрочем, других у врага рейха найдено не было...»³.

В 1945–48 гг. таких старых пруссаков офицеры советской оккупационной администрации встречали нередко. В 1948–50 гг. они преимущественно перекочевали на Запад (как и их сыновья — офицеры разбитых армий), становясь ферментами новой социальности.

В отличие от «испорченного либерального весси» консервативный юнкер-осси всегда был включен в социальное управление, всегда осознавал его своей привилегией и обязанностью. И в 1945–50 гг., обломками разрушенного механизма фильтруясь в оформляющуюся общественную тотальность, он задавал ее типологические качества, заметно отличные от нигилистских отмашек «рейнских ребят».

Теперь, когда военное поражение снесло все, сильнейшим образом дискредитировав монополистические верхи, оказались востребованными иные ресурсы, уже социальные. Вчерашний офицер, своим юнкерским происхождением обязанный к лидерству, а по военному прошлому имевший опыт взаимодействия с самой

различной средой, оказался в наибольшей степени востребован. «Армия — школа германского народа» с его переходом переместилась в коридоры управления всех социальных структур.

Феномен «дома с хозяином», в частности восточно-прусского юнкерского имения, породил двуликость феномена германского радикализма, одновременного и социалистического и фашистского. Обыватели этого мирка просто не могли себе представить стороннего, бесчувственно-равнодушного к детям своим государства. С этим связана любопытная особенность германской земельной политической истории: те же самые территории, которые сегодня оплот «красных», завтра превращаются в крепости «коричневых», и наоборот. Так, «реакционная-отсталая» Пруссия дает самую мощную земельную организацию социал-демократов, а «красная» Бавария Э. Толлера, не переводя дыхания, обращается в «черный бастион» Гитлера-Людендорфа. Частное представление может потерпеть поражение, но общее сознание обязанности государства присматривать за благополучием подданных сохраняется, реализуясь уже другим способом. Любая политическая сила, пытающаяся покушаться на эту аксиому бытия, будет сметена с той скоростью, с какой она попытается обратиться критику в практику.

Рыночный старт Л. Эрхарда был столь впечатляющ, поскольку он дал возможность реализоваться исторически предопределенному; вместо размножения индивидов открыл эпоху сложения организма из льнущих друг к другу частей: «старых камарадов», «господ и вассалов», «хозяев и квартиросъемщиков», принявших за привычную работу налаживания взаимодействия нарастающих частей на изменившемся поле боя — политика, социопрактика, экономика.

Новогерманский патернализм оформлялся в 1950–60 гг. преимущественно на мелких предприятиях (например, в стекольной промышленности), оказавшихся в руках бросивших родовые гнезда на Востоке аристократов, соединивших опыт социального лидерства с навыками ремесленнической гордости результатами труда.

Кризис 1966–1967 гг. был закономерен и структурен ровно настолько, насколько младенец перерос пеленки эрхардовского родовспоможения и потребовал восходящего управления уже в

рамках всеобщих задач: долговременной национальной экономической политики; координирования развития производительной и непроизводительной сфер; выход на рискованное лидерство в мировой торговле и разделении труда.

Примечания

¹ Путлиц В. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., 1957.

² См.: Оггер Г. Магнаты. М., 1985. С. 224.

³ Путлиц В. Указ. соч. С. 116.